

Дата публикации: 20 мая 2023

DOI: 10.52270/26585561_2023_18_20_47

Исторические науки

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XIX ВЕКЕ

Немцов Денис Олегович¹

¹Аспирант, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
ул. Интернациональная 33, Тамбов, Россия, E-mail: DN414@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется, как в течение XIX века британские военные захоронения стали государственной обязанностью, а уход и содержание военных кладбищ стали ассоциироваться с патриотизмом. В статье также обсуждается, как, когда, где и почему британское правительство и общественность начали ценить павших солдат и считать, что они заслуживают достойного погребения независимо от их звания или достижений в бою. Был сделан вывод, что вопреки общим представлениям о том, что культ памяти был создан после Первой мировой войны Имперской комиссией по воинским захоронениям, Крымская война 1853-1856 годов стала ключевым моментом в изменении взглядов британцев на воинские захоронения. Во время этого конфликта, впервые в современной европейской истории, воюющие стороны с обеих сторон хоронили погибших в специально отведенных могилах.

Ключевые слова: воинские захоронения, Крымская война, Великобритания, мемориал.

I. ВВЕДЕНИЕ

В 1811 году британские купцы Лиссабона обратились с требованием к лорду Веллингтону. Они жаловались на то, что его солдаты захоронили тело своего командира на их земле. В разгар наполеоновских войн эта группа богатых британских торговцев, само выживание которых зависело от присутствия армии Веллингтона и ее успеха в борьбе с французами, посчитала, что захоронение бригадного генерала Коулмана является наглым вторжением на их собственность [1, р. 392]. Они настаивали на том, чтобы Веллингтон приказал своим офицерам хоронить своих товарищей на государственной земле. Погибшим военным полагался участок земли, предоставленный британским правительством.

В начале XIX века подданные Великобритании не чувствовали никаких обязательств перед военными и уж тем более не считали, что местом захоронения может стать их земля. Более того, купцы посчитали военное захоронение на своем кладбище осквернением.

Они сетовали на то, что это место, для них имеет большое сакральное значение, поскольку на этой земле захоронены их близкие и друзья. По мнению купцов, возражение против погребения не было связано с преданностью своей стране, которую они выражали через восхваление Веллингтона и живых членов армии в Португалии [1, p. 448].

Случай в Лиссабоне наглядно демонстрирует отношение рядовых британцев к воинским захоронениям в начале XIX века. В начале XX века после Первой мировой войны будет создан специальный имперский орган ответственный за воинские захоронения, что говорит о полном изменении взглядов не только британской общественности, но и самого государства. В какой-то момент произошли коренные изменения, что повлияло на общеимперское представление о ценности воинских мемориалов. В данном исследовании предпринята попытка ответить на этот вопрос. Особую роль в формировании ответственности за воинские захоронения сыграла Крымская война.

II. ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Захоронения в период Крымской войны возникли не в результате организованного государственного или военного планирования, а скорее благодаря действиям отдельных солдат на месте, которые позаботились о захоронении своих товарищей. Хотя британское правительство в принципе считало, что должно содержать их, оно вряд ли с самого начала воспринимало военные мемориалы как национальные святыни, в отличии, например, от американского правительства которое так относилось к кладбищам на полях сражений Гражданской войны. Британское общество было недовольно наплевательским отношением государства к захоронениям погибших в Крыму и критика бездействия правительства с каждым десятилетием все возрастала. Состояние крымских захоронений свидетельствует об ошибках и неорганизованности, которые характеризовали незначительную роль британского государства в увековечении памяти о войне в XIX веке. Консенсус среди военных, правительства и общественности о том, что существует национальная обязанность заботиться о мемориалах, сформировался отчасти в ответ на такое восприятие правительственной некомпетентности. Поддерживающая военных элита, ветераны, общественные организации и члены королевской семьи впервые сформулировали мнение о том, что воинские захоронения священны. Уход за могилами погибших на войне и связь между патриотизмом и надлежащими военными захоронениями в период, предшествовавший Первой мировой войне, достиг пика во время второй англо-бурской 1899-1902 годов. В результате впервые были записаны имена и места захоронения почти всех британских солдат [2, p. 53]. В этот же период возникла идея о том, что для погибшего солдата более почетно быть похороненным там, где он пал на поле боя. Отношение общества к эксгумации тел солдат было крайне негативным. Это привело к тому, что общественность и правительство все чаще стали чувствовать себя обязанными оплачивать военные захоронения и их содержание, даже если они расположены далеко от Великобритании. Случай в Лиссабоне показал, что, хотя в 1811 году никаких традиций военных захоронений не существовало все равно считалось, что погибшие на войне заслуживают особого обращения, поскольку они отдали жизни за свою страну. По прибытии в Лиссабон лорд Веллингтон поручил британскому посланнику при португальском дворе дать землю для военного кладбища. В Британии конца XVIII века захоронения специально для военных существовали рядом с военно-морскими госпиталями Плимут и Хаслар, госпиталем Челси и некоторыми казармами [2, p. 90]. Старшие офицеры, а также герои войны, погибшие в бою, привлекали внимание общественности. Почитание героев войны явление для британцев конечно же не новое. Новым явлением XIX века стало чувство моральной обязанности, перед погибшими провести достойное погребение независимо от звания или достижений. Как во время, так и после Крымской войны 1853-1856 годов идея о сохранении памяти о даже рядовых солдатах стала значительно более распространенной. Такое новое отношение к погибшим солдатам возникло благодаря стечению факторов, которые приписывают Крымской войне.

Эта война для британцев имела схожие военные, технологические, дипломатические и культурные особенности с войнами против Наполеона, и с Первой мировой войной.

Британцы вместе со своими французскими, османскими и сардинскими союзниками осаждали Севастополь почти год, что привело к относительно статичной линии фронта. Кроме того, в ходе войны изменилось представление о рядовом британском солдате, вызванное дебатами о порке и военной дисциплине, а также изображением страданий больных и раненых. Знаменательная работа Флоренс Найтингейл в госпитале Скутари укрепила представление о том, что солдаты заслуживают достойного медицинского обслуживания. Солдаты, гражданские лица и журналисты создавали многочисленные литературные рассказы о войне, что позволило британской читающей публике познакомиться с людьми и местами войны. Зарисовки, литографии и, впервые, фотографии полей сражений иллюстрировали эти рассказы. Последнее, и самое главное, христианство внутри и вне британских вооруженных сил создало новое представление о достойном и уважительном отношении к погибшим солдатам [3, p. 131].

Практика эксгумации тел в Великобритании после Крымской войны не прижилась, единичные случаи как правило, касались политически влиятельных людей. Тело подполковника Лодердейла Маула, умершего от холеры в британском лагере в Варне 1 августа 1854 года, в конце концов вернулось в Шотландию. Брат Маула, военный министр, приказал солдатам в конце войны выкопать его и привезти домой. Все это, по словам одного из наблюдателей, «казалось довольно странным» [3, p. 253]. Слишком больших человеческих и финансовых усилий требовала эксгумация, поэтому стала скорее исключением, чем правилом.

Множество погибших солдат и офицеров были похоронены рядом с местами их гибели в Крыму. Один офицер сетовал, что «наши лагеря - это одно гигантское кладбище», и он имел это в виду как в прямом, так и в переносном смысле [4, p. 31]. В своем дневнике он описывал могилы солдат, например, «простой крест из известняка с именем бедного Дейли и надписью I.H.S.» (Iesus Hominum Salvator), что переводится как «Иисус, спаситель человечества». «Он достаточно прочен, чтобы простоять целую вечность, если русские оставят его в покое. Его высекли саперы, разбившие палатку рядом с нами» [4, p. 43]. Даже находясь в лагере в Крыму, солдаты беспокоились о том, что будет с могилами, когда они уедут. Религиозная символика и надписи содержащие цитаты из библии стали общей чертой для всех британских захоронений в Крыму.

Персональные могилы, отмеченные крестом появились во время Крымской войны, из-за подъема христианства в военной среде и совмещения религиозной веры с военной службой. Соединение военной службы, «королевы и страны» и христианства привело к идеализации целей войны [5].

В течение десятилетий после Крымской войны разрозненные и беспорядочные могилы британских солдат в Крыму, стали известны как «национальные кладбища Великобритании» [6, p. 341]. Под влиянием постоянного давления со стороны прессы и общественности правительство попыталось организовать поддержку этих мест захоронений, хотя во время войны оно не играло никакой роли в их создании. В начале XX века поминовения войны и институционализированного формирования памяти, признание этих мест как национальных объектов, достойных внимания и затрат, возникла не в результате государственного планирования, а в результате критики бездействия и пренебрежения со стороны правительства.

После войны Министерство иностранных дел и его сеть консульских учреждений сформировали правительственный центр по обеспечению сохранности могил. Одной из проблем, несмотря на присутствие британских чиновников в регионе, стало отсутствие постоянного смотрителя кладбищ. Ни дипломатические усилия на высоком уровне, ни деятельность консулов на местах не привели к созданию эффективной политики содержания. После войны британские дипломаты добились от российского правительства согласия на сохранение захоронений, прилегающих к Севастополю, а местные сотрудники британского консульства передавали в Лондон отчеты об их состоянии. Посетители из Британии жаловались на проблемы с ними, например, на «разрушенное состояние захоронения 1-й бригады легкой дивизии британской армии, а также захоронения королевских инженеров, и на то, что некоторые отдельные могилы совершенно не огорожены и не защищены» [6, p. 401].

Генеральный консул Гренвилл Мюррей согласился с этим и сообщил о правдивости данных заявлений. [6, p. 412]. Их будет трудно содержать, потому что многие могилы были сделаны на частной территории, принадлежащей различным лицам, и владельцы проявляли мало уважения к ним. Кроме того, несмотря на то, что российское правительство пошло на встречу британцам, общество и частные лица были против могил своего бывшего врага на своей же территории. Мюррей рекомендовал британскому правительству платить местному монастырю Святого Георгия плату в размере 100 фунтов стерлингов в год, чтобы священники ухаживали за захоронениями, и Министерство иностранных дел и Казначейство в Лондоне одобрили этот план. План в итоге провалился, потому что монахи не хотели брать на себя ответственность, и они передали британскому правительству, что оно должно позаботиться о своих захоронениях само. Хотя настоятель монастыря был «очень дружелюбен и сердечен и с большим чувством отзывался о некоторых британских офицерах, которых он знал», он не хотел становиться смотрителем британских кладбищ в регионе. По его мнению, «долг каждого христианина - уважать место захоронения, но обязанность содержать могилы в порядке принадлежит мирянам». Потерпев неудачу, Министерство иностранных дел поручило Мюррею нанять кого-нибудь другого на деньги, ранее утвержденные Казначейством. Он не смог найти никого на эту должность [6, p. 430].

Британские чиновники продолжали получать информацию об осквернении и запустении кладбищ. Консул в Керчи Элдридж узнал об этом и поручил вице-консулу в Феодосии капитану Клиппертону доложить об их состоянии. Элдридж принял меры, не посоветовавшись со своим начальством, поскольку понимал намерения правительства и желание британцев. Британские чиновники, путешественники и правительство в Лондоне понимали, что забота о захоронениях является коллективной, национальной обязанностью, но они не могли разработать действенный план по их содержанию [6, p. 453].

В отчете Клиппертонна содержится подробная информация о состоянии кладбищ в период сразу после войны. Несмотря на то, что британская армия покинула эту территорию менее четырех лет назад, он отметил значительные разрушения. На многих из них ограды разрушились от скота, который пасся на них, а памятники значительно обветшали, надписи стерты, и все кладбища нуждаются в реставрации, без которой кладбища вскоре будут полностью утрачены. В отчете Клиппертонна подводились итоги обширного ущерба, нанесенного местам захоронения, и рекомендовалось правительству потратить тысячи фунтов на их ремонт [6, p. 456].

Некоторые кладбища оставались в хорошем состоянии благодаря американскому жителю, который неофициально поддерживал и благоустраивал их. Джон Э. Гоуэн из Бостона прибыл в Севастополь в 1857 году, чтобы поднять затонувший Черноморский флот [7]. Он проявил интерес к британским могилам, и в результате, многие захоронения остались в относительно хорошем состоянии. Один из посетителей, совершивший поездку по региону, объяснил: «Это был его воскресный отдых - посещать окрестные кладбища и записывать все, что требовало ремонта. Это делалось полностью за его собственный счет, и никто никогда не узнает, какие суммы он должен был потратить на них, и с какой заботой он ухаживал за ними» [7]. Частная инициатива Гоуэна в годы после войны была единственной обеспечивающей уход за кладбищами и могилами.

Британское правительство, напротив, ничего не делало, и посетители настаивали, чтобы чиновники приняли необходимые меры для приведения кладбищ в надлежащее состояние. Хотя правительство в принципе согласилось с тем, что воинские захоронения должны поддерживаться, частная инициатива оставалась единственной силой, обеспечивающей порядок [7].

Гоуэн информировал заинтересованных родственников и общественность Британии о местах захоронений и отдельных могилах. Он утешил одного корреспондента, сообщив, что могила его родственника не потревожена. Кроме того, Гоуэн посадил кусты роз вокруг этой могилы, как и вокруг других могил. Гоуэн также рассказывал, что он украсил кладбища, где не было деревьев, ни, какой-либо иной растительности [7]. Таким образом, идея озеленения британских военных кладбищ, которая в дальнейшем будет принята за принцип Имперской комиссией по воинским захоронениям, зародилась в послекрымский период благодаря неофициальным действиям американца.

Вначале Гоуэном двигали личные чувства и религиозные убеждения, а когда газеты распространили информацию о его деятельности, он продолжил ее из вежливости к посетителям и корреспондентам. Он сочувствовал родственникам умерших и обеспечивал связь между ними и захоронениями их близких. И Гоуэн, и его жена были набожными христианами, что повлияло на их отношение к уходу за могилами [7].

Гоуэн получил общественное признание. Он имел честь получить красивую золотую табакерку, которую ему подарили местные консульские чиновники в знак признания его работы по сохранению британских кладбищ. Усилия Гоуэна были не результатом сиюминутной прихоти, а постоянным, непрерывным трудом в течение четырех лет [8]. Признание усилий Гоуэна показывает, что общество все больше понимало, что уход за могилами - это патриотический долг, с которым государственные чиновники не справляются эффективно.

На контрасте с частной инициативой Гоуэна, попытка британского правительства найти постоянного смотрителя для всех захоронений провалилась из-за настойчивого требования, чтобы он был англичанином. В 1860 году генеральный консул Мюррей нанял для этой работы отставного русского офицера, капитана Александра Маута. Хотя Мюррей назвал Маута артиллерийским офицером английского происхождения, имеющим хорошие характеристики, другие члены британского правительства отнеслись к его выбору с гораздо меньшим энтузиазмом. Гоуэн тоже не одобрил его кандидатуру и сообщил в письме консулу Клиппertonу: «Мюррей назначил хранителем британских кладбищ старого русского офицера, которому более шестидесяти лет, и который не может сказать ни слова ни на одном языке, кроме русского» [8]. Гоуэн считал Маута непригодным для этой работы, так как на эту должность можно было легко найти англичан, которые конечно, проявили бы активный интерес к уходу за могилами своих соотечественников. Секретарь Министерства иностранных дел согласился с этим мнением. Он написал, что Гоуэн совершенно прав, и это национальный долг - следить за тем, чтобы могилы павших содержались в достойном порядке. Хотя не было англичанина, который мог бы взять на себя его обязанности, назначение Маута было отменено, якобы из-за его неспособности говорить или понимать по-английски и кладбища снова остались без официального смотрителя. Гоуэн, их неофициальный смотритель, покинул Севастополь в середине 1860-х годов [9, p. 221].

Британская общественность все больше убеждалась, что эти военные захоронения заслуживают заботы и внимания со стороны правительства. В редакционной статье 1867 года приводились доводы в пользу официального содержания этих мест. Утверждалось, что для британцев в принципе не так много мест, столь священных, как захоронения в Крыму. Они не только были священными, но и «для многих матерей и вдов также дороги, как семейный очаг, а эти одинокие могилы более священны, чем семейная усыпальница в английском церковном дворе» [10]. Ответственность правительства за них не должна быть передана российской стороне. Только британское правительство могло заботиться и поддерживать захоронения в том виде, в каком этого желала бы английская общественность. Редакционная статья призывала правительство отремонтировать и содержать кладбища в соответствии с моральными обязательствами не только перед погибшими солдатами, но и с идеей о том, что эти места принадлежат британской нации [10].

Парламент отреагировал на давление, потребовал также принять меры и направил бригадного генерала Джона Адье и полковника Чарльза Джорджа Гордона для инспекции мест захоронения и составления рекомендаций по их содержанию. Адье и Гордон прибыли в Севастополь 29 августа 1872 года и провели десять дней, тщательно осматривая каждое кладбище и мемориал британской армии в окрестностях. Они заметили, как сильно различаются кладбища по своему расположению и размеру, а также по количеству могил и памятников. Помимо мест захоронений, есть три памятных обелиска - в Инкермане, в Балаклаве и перед Реданом - и несколько общих мемориалов бригадам и специальным полкам. Большинство найденных ими отмеченных могил принадлежали офицерам, но они все же обнаружили несколько могил простых солдат, а также гражданских лиц, которые жили и умерли вместе с армией во время войны [11]. Адье и Гордон составили отчет о состоянии захоронений, в котором подчеркивалась их сохранность и давались рекомендации по их восстановлению.

Они попытались найти и каталогизировать 130 кладбищ, о которых британское правительство имело сведения. Им удалось обнаружить 119 из них. Одиннадцать, которые они не смогли обнаружить, были небольшими и не содержали табличек [Ibid.]. В Приложении они записали подробную информацию о каждом кладбище: его местоположение, имена, встречающиеся на нем, состояние отдельных могил, состояние пограничных стен и различные замечания. Они решили, что более половины из них были в хорошем состоянии, а для тех, которые не были в хорошем, они записали расплывчатые описания повреждений, такие как «табличка разбита» или «имя неразборчиво» [Ibid.]. В некоторых исключительных случаях, когда памятники были специально разрушены, осквернение было делом рук людей, которые надеялись найти деньги или ценности в могилах [Ibid.]. Таким образом инспекцией был сделан вывод, что могилы не разрушают исходя из того, что это могилы неприятеля на своей земле, а скорее делают это по неосторожности или исходя из корыстных целей.

Хотя русские и французские кладбища в Крыму, казалось, были в лучшем состоянии, чем британские захоронения, Адье и Гордон предлагали не подражать их способу ухода за захоронениями. Французское кладбище, которое состоит из одного главного мавзолея, стоящего в центре, окруженного 17 меньшими памятниками, построенными по одному типу, было значительно легче содержать, чем британские участки, разбросанные по всему региону. Каждое из сооружений содержало различную классификацию останков: генералы и штабные офицеры - в главном, моряки и морские офицеры - в другом, для инженеров - в третьем и т. д. Внутри каждого из них останки офицеров помещались в гробах, замурованных в стену, а останки унтер-офицеров и рядовых - в яму под сооружением. Эдье и Гордон рекомендовали реорганизовать британские кладбища, но они выступали против того, чтобы следовать примеру Франции, поскольку важнее было оставить могилы нетронутыми. Большие кладбища, содержащие множество памятных знаков и надгробий, должны быть сохранены, вокруг них должна быть построена основательная стена. Все памятники, таблички и кресты должны быть отремонтированы, а надписи обновлены [Ibid.].

Наконец, среди британских кладбищ холм Каткарт по утверждению инспекции заслуживал особого внимания. Адье и Гордон не только рекомендовали восстановить кладбище, но и предложили его расширить. Расположение кладбища на холме с видом на Севастополь, по их мнению, было идеальным местом для большого обелиска или общего мемориала, который должен быть сделан в Англии из гранита или другого прочного материала и отправлен в Крым. Вместо того чтобы просто сохранить то, что было воздвигнуто во время войны, Адье и Гордон предложили новый памятник, который представлял бы послевоенную память о погибших. Он должен был компенсировать многолетнее пренебрежение чиновников к реальным могилам [Ibid.].

В конечном итоге не правительство в одиночку, а сочетание официальных и общественных усилий воплотило в жизнь рекомендации Адье и Гордона. Лорд Хартфорд, видный придворный Тори и родственник по мужу королевы Виктории, основал добровольный комитет по сбору средств для создания мемориала на холме Каткартс. После его смерти за дело взялся герцог Кембриджский, внук короля Георга III и главнокомандующий британской армией. Сам ветеран Крымской войны, он обратился к другим военным с просьбой присоединиться к этой инициативе. Добровольная группа, формально частная, но, очевидно, имеющая очень хорошие связи с правительством, военными и короной, курировала сбор памятников с многочисленных разбросанных кладбищ. Эти памятники были заменены на участке Каткартс-Хилл, где также была сделана пристройка к дому смотрителя. Земля была выровнена и сглажена, были проведены и другие работы [12]. В конечном итоге, частная инициатива под руководством отдельных личностей позволила реализовать положения отчета Адье и Гордона.

После Крымской войны военные захоронения постоянно привлекали к себе официальное и неофициальное внимание в Великобритании. Однако усилия правительства по обеспечению их сохранности и поддержанию в надлежащем состоянии не увенчались особым успехом. Поначалу уход за могилами в основном обеспечивали равнодушные частные лица. Местные британские консулы составляли каталог повреждений и требовали от своего начальства в Лондоне денег и полномочий на постоянный уход за могилами.

Передовицы газет и общественное мнение начали требовать действий от правительства и впервые сформулировали мнение о том, что нация имеет моральное обязательство заботиться о воинских захоронениях. Кульминацией общественной агитации стала экспедиция Джона Эдье и Чарльза Джорджа Гордона. В их отчете был приведен каталог захоронений и рекомендован план будущего ухода за ними. Принципы, заложенные в отчете, стали основой уникального стиля британского военного поминовения: тела должны быть оставлены на поле боя, даже если памятники могут быть перенесены и заменены в официальном мемориальном месте. Совместные действия ветеранов, королевской семьи и правительства в 1880-х годах привели к реализации большинства принципов доклада и всеобщему признанию того, что уход за воинскими захоронениями является национальной обязанностью [12].

В то время как общественный и официальный интерес к крымским захоронениям сохранялся в течение десятилетий после конфликта, политика и практика ухода за могилами в последующих войнах развивались. Военные захоронения стали неотъемлемой частью визуального представления войн в британских газетах конца XIX века. Одновременно с этим военные впервые обнародовали правила, которые предписывали офицерам на местах вести себя также, как Хедли Викарс в Крыму: председательствовать на погребальных службах, если для этого не было капеллана или религиозного деятеля [13, p. 111].

Во время восстания сипаев 1857 года в Индии присутствие большого количества гражданского населения и существующая англиканская религиозная инфраструктура привели к тому, что солдатским могилам уделялось такое же внимание и почитание, как и в Крыму. Достойные захоронения британских солдат и гражданских лиц, убитых местными жителями, служили моральным противовесом рассказам о зверствах и дикости. В осажденной крепости Каунпор одним из последних действий британских гражданских лиц и солдат перед уходом было похоронить мертвых с христианской службой и помолиться за них. Газета «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» и другие газеты изображали эти похоронные службы, которые выражали страдания британских гражданских лиц от рук их якобы безжалостных индийских предателей. Несмотря на тяжелые обстоятельства, священнослужители обычно проводили христианские похороны, а жители отмечали могилы [14, p. 308]. Начиная с периода после Крымской войны, британская армия издала ряд приказов, инструкций и циркуляров, которые возлагали на полевых командиров и офицеров обязанность обеспечивать достойное христианское погребение людей, находящихся под их командованием. Одновременно с этим, в связи с ростом религиозной практики среди солдат и офицеров, все больше капелланов стали выезжать в походы для служения живым и проведения погребальных служб. Эти изменения в армии институционализировали практику периода Крымской войны и сделали поведение капитана Хедли Викарса образцом для всех офицеров. Стандарт военных захоронений был сформирован во время британской военной кампании в Судане в 1880-х и 1890-х годах. Чарльз Джордж Гордон, чей доклад с Джоном Адье об уходе за крымскими могилами привел к их содержанию и ремонту, сам стал ярким примером воинской отваги, когда погиб при защите осажденного Хартума от повстанцев армии Махди. Пресса и общественность по всей Британской империи следили за попыткой Гордона отстоять город в чрезвычайно непростой ситуации. Когда Хартум был захвачен за два дня до прибытия подмоги, Гордон был обезглавлен на ступенях своего штаба. Последняя запись в его дневнике гласила: «Я сделал все возможное чтобы отстоять честь нашей страны» [14, p. 332]. Общее впечатление от этих событий стало еще более ужасным, когда общественность узнала через лондонские газеты, что он не получил христианского погребения. Командующий экспедицией не успевшей на подмогу Гордону, генерал Гарнет Уолсли, после вступления в Хартум поставил перед собой задачу вернуть тело Гордона, но солдаты не смогли найти его. В результате пустая гробница в соборе Святого Павла в Лондоне стала символической могилой для Гордона. Более чем через десять лет, после успешного завершения кампании генерала Китченера по повторному завоеванию Судана, солдаты снова попытались найти останки Гордона для захоронения. Не сумев этого сделать, они, тем не менее, устроили его похороны в руинах Хартума, символизирующие повторное завоевание этих земель Британией. Для военных и для британской общественности похороны Гордона имели очень важное значение.

Читающая публика в Лондоне, наряду с письменными депешами Китченера, увидела процесс захоронения через многочисленные рисунки художников [14, р. 344]. Для всех факт надлежащего воинского погребения являлся триумфом цивилизации над варварством. Общественное понимание важности надлежащих похорон Гордона показывает, насколько тесно должное воинское захоронение было связано с представлениями британцев об этичности.

Рядовые солдаты и младшие офицеры погибшие в Судане также были захоронены по христианским традициям, и изображения их могил часто печатались в газетах. Под командованием генерала Китченера в звании лейтенанта служил еще молодой Уинстон Черчилль. В своей книге «Речная война» посвященной истории завоевания Судана Черчилль отмечал, что в ходе войны были заранее размеченные, заготовленные земли для погребений и что каждое захоронение сопровождается панихидой и другими христианскими традициями [15, р. 112]. На фотографиях, сделанных после битвы при Омдурмане в 1898 году, видно, как преподобный Реджинальд Мозли читает панихиды по погибшим британским военным. На дополнительных снимках запечатлены аккуратные и ухоженные могилы [15, р. 115]. Христианское погребение на поле боя стало прочно укоренившейся частью британской военной практики к концу XIX века. Изображения этого процесса составляли большую часть того, что публика в Лондоне видела в имперских войнах того времени, что серьезно повлияло на представление о войне среди рядовых граждан. Военные захоронения и погребальные службы также составляли важную часть визуального представления британской общественностью Второй англо-бурской войны 1899-1902 годов. Многочисленные изображения в британских газетах иллюстрировали могилы, часто с пропагандистской целью. Сам факт существования цивилизованных военных захоронений как бы намекал на пропасть в развитии между британцами и бурами. На одной из таких иллюстраций под заголовком «Клятва мести» изображен капеллан, завершающий погребальную службу, а рядом стоят скорбящие солдаты «на похоронах жертвы вероломства буров» [15, р. 134].

На снимках представлены результаты работы не только британской армии, но и патриотических гражданских организаций, которые взяли на себя часть ответственности за создание воинских захоронений. Такие группы, как Лига Виктории в Лондоне и Гильдия верных женщин Южной Африки, координировали сбор средств для организации захоронений. Гильдия, гражданская группа, созданная в 1900 году для пропаганды лояльности к британским захватчикам в колонии, хоронила погибших с обеих сторон [16]. Из-за различных обстоятельств процесс захоронения погибших солдат в Южной Африке был намного сложнее, чем в Крыму. Бои в сельской местности и война с партизанами привели к тому, что погибшие были разбросаны по колонии. Некоторые могилы находились на частных кладбищах, другие - рядом с церквями, а многие - в неизвестных местах. Правительство Капской колонии приняло законы о приобретении части земли для военных захоронений, но результаты были неоднозначными [16]. Гильдия ожидала, что именно она, а не правительство, будет действовать в качестве основного учреждения, ответственного за военные захоронения. Леди Фрэнсис Бальфур объяснила, что Гильдии было необходимо заботиться о могилах, потому что «страна, которая не чтит своих мертвых, не может заботиться о живых» [17, р. 124]. Это чувство долга перед погибшими, которое испытывали отдельные люди и организации, оставалось не до конца выраженным в государственной политике. В Верееингском договоре (1902), завершившем войну, не упоминался статус могил, а отсутствие серьезного интереса со стороны правительства оставило заботу о южноафриканских захоронениях в руках частных организаций [17, р. 125]. В период с конца 1850-х годов до первого десятилетия XX века британская общественность и правительство прилагали значительные усилия и средства на содержание воинских захоронений. Одновременно с этим газета «Таймс» и видные деятели, связанные с военными, выражали мысль о том, что воинские захоронения в целом, независимо от того какого звания был погибший, заслуживают заботы и внимания со стороны правительства в силу морального обязательства поддерживать места последнего упокоения тех, кто погиб на службе своей стране. Это произошло не из-за направленного проекта государства по воспитанию национальной идентичности, а скорее из-за критики бездействия и безразличия правительства. В 1908 году британское правительство рассмотрело предложение об увековечении памяти некоторых погибших во время наполеоновских войн. В частности, погибших в плену в Живе.

Хотя во время наполеоновских войн предпринимались единичные попытки заботиться о пленных, ни общественность, ни правительство по этому вопросу особой инициативы не проявляли [18, р. 243]. По словам жандарма Живе, к началу XX века старое военное кладбище, не имело во внешнем облике ничего общего с первоначальными захоронениями [18, р. 245]. Таким образом, отношение общества к погибшим на войне сильно изменилось по сравнению со столетием ранее, когда британские купцы Лиссабона считали святотатством захоронение одного из генералов Веллингтона на их земле.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье было выявлено, как, когда и почему британское правительство, и общественность стали воспринимать уход за воинскими захоронениями, как национальную обязанность. Военные герои и лидеры, одержавшие великие победы, особенно те, кто погиб на поле боя, всегда удостоивались почестей, но в годы между Наполеоновскими войнами и Первой мировой войной это отношение стало распространяться на всех, независимо от звания и заслуг. В период Крымской войны идея достойного погребения приобрела явно религиозные черты.

Во время Первой мировой войны масштабы и объем работы по увековечению памяти погибших вновь кардинально изменяется за очень короткий период. Усилиями Имперской комиссии по воинским захоронениям были сформулированы правила и принципы процесса захоронений. Тем не менее, политика и практика 1914-1918 годов по отношению к погибшим солдатам изначально опиралась на традиции и убеждения XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bruce H.A. Napier and the Peninsular War: Officer of the 43rd Foot in Wellington's Army. Author of the History of the Peninsular War. London: LEONAU, 2010. 376 p.

Tait W.A. History of Haslar Hospital. London: Forgotten Books 2019. 190 p.

Adye J. Recollections of a Military Life. Charleston: Nabu Press. 2010. 436 p.

Hawley R.B. The Hawley Letters: The Letters Of Captain R.B. Hawley, 89Th From The Crimea, December 1854 To August 1856. Journal Of The Society For Army Historical Research 1970. 115 p.

Anderson O. The Growth of Christian Militarism in Mid-Victorian Britain. The English Historical Review 1971. Pp. 46-72.

Gowing T. A. Soldier's Experience or A Voice from the Ranks: Showing the Cost of War in Blood and Treasure. UK: Echo Library 2015. 500 p.

Americans Raising Sunken Vessels. [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.03.2023)

The Cornwall Chronicle, 11th August 1860. [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.03.2023)

Cavendish W. H. Society, politics and diplomacy, 1820-1864; passages from the journal of Francis. Charleston: Nabu Press 2010. 442 p.

The Mercury, 21 March 1861. [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.03.2023)

Commonwealth war graves commission archives. Report on the Crimean Cemeteries' by Brigadier-General J.M. Adye, C.B., Royal Artillery and Colonel C.G. Gordon, C.B., Royal Engineers, dated 1873. [Электронный ресурс] (дата обращения: 02.04.2023)

Report on the Crimean Cemeteries. [Электронный ресурс] (дата обращения: 02.04.2023)

Wolseley G. J. The Soldier's pocket-book for field service. London: Macmillan 1874. 399 p.

Ward A. Our Bones Are Scattered: The Cawnpore Massacres and The Indian Mutiny Of 1857. New York: Henry Holt & Co. 1996. 736 p.

Churchill W. The River War: An Account of the Reconquest of the Sudan. London: Longmans, Green & Co. 1899. 292 p.

The Times, 19.07.1902. South African Graves Fund. [Электронный ресурс] (дата обращения: 05.04.2023)

Rockley L. Women Settlers in South Africa. Journal of the Royal African Society. 1934. Nomer 131. Pp. 123-129

Blake R. Evangelicals in the Royal Navy, 1775-1815: Blue Lights and Psalm-Singers. Woodbridge: Boydell & Brewer 2008. 336 p.

INSTITUTIONALIZATION OF MILITARY GRAVES OF GREAT BRITAIN IN THE XIX CENTURY

Nemtsov, Denis Olegovich¹

¹Postgraduate, Tambov State University named after G.R. Derzhavina, 33, Internatsionalnaya Street, Tambov, Russia, E-mail: DN414@mail.ru

Abstract

The article analyzes how during the XIX century British war graves became a state duty, and the care and maintenance of military cemeteries became associated with patriotism. The article also discusses how, when, where and why the British government and the public began to appreciate fallen soldiers and believe that they deserve a decent burial regardless of their rank or achievements in battle. It was concluded that contrary to the general ideas that the cult of memory was created after the First World War by the Imperial Commission on Military Graves, the Crimean War of 1853-1856 was a key moment in changing the views of the British on military graves. During this conflict, for the first time in modern European history, the belligerents on both sides buried the dead in specially designated graves.

Keywords: military graves, Crimean War, Great Britain, memorial.

REFERENCE LIST

Bruce H.A. Napier and the Peninsular War: Officer of the 43rd Foot in Wellington's Army. Author of the History of the Peninsular War. London: LEONAU, 2010. 376 p.

Tait W.A. History of Haslar Hospital. London: Forgotten Books 2019. 190 p.

Adye J. Recollections of a Military Life. Charleston: Nabu Press. 2010. 436 p.

Hawley R.B. The Hawley Letters: The Letters Of Captain R.B. Hawley, 89Th From The Crimea, December 1854 To August 1856. Journal Of The Society For Army Historical Research 1970. 115 p.

Anderson O. The Growth of Christian Militarism in Mid-Victorian Britain. The English Historical Review 1971. Pp. 46-72.

Gowing T. A. Soldier's Experience or A Voice from the Ranks: Showing the Cost of War in Blood and Treasure. UK: Echo Library 2015. 500 p.

Americans Raising Sunken Vessels. [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.03.2023)

The Cornwall Chronicle, 11th August 1860. [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.03.2023)

Cavendish W. H. Society, politics and diplomacy, 1820-1864; passages from the journal of Francis. Charleston: Nabu Press 2010. 442 p.

The Mercury, 21 March 1861. [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.03.2023)

Commonwealth war graves commission archives. Report on the Crimean Cemeteries' by Brigadier-General J.M. Adye, C.B., Royal Artillery and Colonel C.G. Gordon, C.B., Royal Engineers, dated 1873. [Электронный ресурс] (дата обращения: 02.04.2023)

Report on the Crimean Cemeteries. [Электронный ресурс] (дата обращения: 02.04.2023)

Wolseley G. J. The Soldier's pocket-book for field service. London: Macmillan 1874. 399 p.

Ward A. Our Bones Are Scattered: The Cawnpore Massacres and The Indian Mutiny Of 1857. New York: Henry Holt & Co. 1996. 736 p.

Churchill W. The River War: An Account of the Reconquest of the Sudan. London: Longmans, Green & Co. 1899. 292 p.

The Times, 19.07.1902. South African Graves Fund. [Электронный ресурс] (дата обращения: 05.04.2023)

Rockley L. Women Settlers in South Africa. Journal of the Royal African Society. 1934. Nomer 131. Pp. 123-129

Blake R. Evangelicals in the Royal Navy, 1775-1815: Blue Lights and Psalm-Singers. Woodbridge: Boydell & Brewer 2008. 336 p.